

ЗАМЕТКИ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗНАНИЯ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ПОСТРОЕНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ

В сборнике материалов научно-практической конференции «Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества» опубликована статья доктора исторических наук Экономического института Тяньцзиньского педагогического университета КНР Чжан Сюэфэна «Россия и Китай: выбор языка межгосударственного общения (конец династии Мин – начало династии Цин)» в переводе К.Б.Лозовской и С.В.Смирнова¹. Она посвящена актуальной и для наших дней проблеме – влиянию знания сторонами китайского и русского языков для улучшения качества взаимодействия двух стран.

При всей видимой бесспорности и важности темы русскоязычный читатель, однако, сразу сталкивается с «китайской спецификой» в ее раскрытии, интерпретации фактов и выводах автора. Вопросы появляются буквально с первых строк. Остановимся только на одном из них. Чжан Сюэфэн пишет: «В конце правления династии Мин Российское государство упустило возможность развития торговых отношений с Китаем из-за незнания китайского языка и письменности»². Для доказательства излагается история первого официального русского посольства Ивана Петлина в Поднебесную «в 1619 г.» «с приветствием от русского царя». Хотя у Петлина «не было ни официального письма, ни подношений и подарков», он все же «получил верительную грамоту» от минского императора, в которой были выражены «желание установить торговые отношения с Россией и обмен делегациями», а также надежда на то, что «российский правитель отправит в Китай уже официальную делегацию для ведения переговоров». Несмотря на то, что в то время китайский «император не мог покидать сам пределов своей страны и запрещал своим подданным свободно выезжать из Китая», он готов был отправить в Россию посольство с условием, «что дороги будут хорошо разведаны». Далее делается вывод, что «возможность развития двусторонних отношений была отложена», так как в России никто не смог прочесть и перевести китайскую грамоту.

Далее говорится о визитах в Китай российских торговых караванов из Сибири Е.Вершинина, П.Ярыжкина и С.Аблина, И.Милованова, а также официальных московских посольств Ф.Байкова и Н.Спафария. Они доставляли в Россию грамоты императоров новой династии Цин, в которых высказывались «благожелательные намерения вести переговоры», содержались просьбы: выдать эвенкийского князя Гантимура (он со старшим сыном к 1684 году крестился и стал российским подданным), «вывести русские войска с территории Китая», вернуть

¹ Чжан Сюэфэн. Россия и Китай: выбор языка межгосударственного общения (конец династии Мин – начало династии Цин // Сборник материалов научно-практической конференции. Екатеринбург, 2009. С. 131-139.

² Там же. С. 131.

«захваченный русскими» Нерчинск и вообще «прекратить захватнические действия на китайской территории»³.

Первые контакты Российской империи с Китаем, истории официальных посольств и судьбы российских торговых караванов XVII века хорошо изучены в российском китаеведении и представлены большим пластом научных исследований и документов. Уже в XVII веке описание поездки И.Петлина было издано на нескольких европейских языках. На русском языке одного из первых полных описаний содержится в «Путешествии через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году»: дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В.Арсеньева (1882 г.); статейный список о путешествии Петлина в 1818 году опубликовал Г.И.Спасский; Н.М.Карамзин упоминал о посольстве в своей «Истории государства Российского». Детальный анализ и восстановление всех подробностей посольства содержатся в работах Ф.И.Покровского, Н.И.Сладковского, П.Е.Скачкова. С середины прошлого века неоспоримым авторитетом в области российско-китайских отношений XVII – XIX веков стал В.С.Мясников, которому принадлежат многие открытия документов того времени как в древнерусских архивах, так и в КНР. Истории российско-китайских отношений посвящены его диссертации, монографии, множество статей, на которые сегодня ссылается мировая синология. В.С.Мясников стал одним из инициаторов и редакторов многотомного труда «Русско-китайские отношения: официальные документы».

Исходя из этого, полемизировать с китайским автором нет необходимости. Отметим лишь некоторые важные нюансы. Вместе с Россией путь на Восток по суше искали и европейские страны. И.Петлину были поставлены четкие задачи: узнать путь в Китай (он пришел туда через Западную Монголию), выяснить, сколь богато и велико китайское государство. А также попутно уточнить полученную от англичан информацию о существовании некоего китайского озера, из которого вытекает река Обь. И.Петлин привез в Москву «Китайскому государству чертеж», «Роспись Китайскому и Лобинскому и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам» и грамоту от Тайбуна-царя, из которых до сих пор не обнаружен «Китайскому государству чертеж»⁴.

Из «Росписи» Ивана Петлина мы узнаем, что в Пекине делегация находилась в сентября 1618 года, что общались на монгольском языке, которым посланник владел свободно, при нем также были два ламы, «сведущие в китайском языке, посольском церемониале и обычаях страны». Экспедиция имела с собой товары, которыми даже пробовали торговать (и трудно предположить, что при этом не было подарков).

Из истории освоения ничейных дальневосточных земель мы знаем, что русские «ласкою», т.е. мирными усилиями приводили в подданство местные народы, ставили укрепленные поселения, перебрасывали сотнями крестьян из центральной части страны и заводили пашню. В то же время маньчжуры, не

³ Там же. С. 132-133.

⁴ Мясников В.С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина / Квадратура китайского круга (сб.). Кн. 1. С. 244, 248.

проявляя стремления к хозяйственному освоению северных территорий, стремились оградить их от внешнего проникновения, т.к. рассматривали их в качестве укрытия в случае изгнания из Китая⁵. Во всех работах русских синологов подчеркивается: Россия осваивала новые земли совместно с сибирскими народами, оборонялись от цинских вооруженных наскоков тоже совместно; именно представители сибирских народов и прижившиеся там казаки были проводниками, переводчиками, а то и дипломатами в русско-китайских связях.

В установлении дипломатических отношений в XVII веке Россия была довольно консервативна, но неизменно следовала принципу равенства держав-партнеров. Посольский приказ делил все государства на ранги в зависимости от политического значения. Прежде чем вступить в политические отношения с тем или иным государем, Москва старалась узнать: независимый ли он правитель или «урядник», вассал⁶. О Китае в начале XVII века не знали ничего.

Торговые караваны и посольства в Китай снаряжали под впечатлением от ассортимента китайских товаров, появлявшихся в Tobольске, и прибыли, получаемой от посредничества местных купцов. Кроме того, побывавшие в Китае главы торговых караванов лично доставляли царскому двору китайские подарки. Второе официальное посольство в Китай Ф.И.Байкова получило из царской казны 50 000 рублей на закупку китайских товаров⁷. Но мы знаем, что оно было изгнано из империи за отказ трактовать его как очередной привоз дани от вассального государства (о чем, кстати, автор рассматриваемой статьи просто умалчивает). Все, кто шел в Китай, получали задание: поиска новых, более легких путей, подробных сведений о народах (чем занимаются, сеют ли хлеб, какие товары имеют) и местностях. Определенную роль имело и желание не отстать от Запада в установлении контактов с Востоком. Но главным все-таки было стремление получить выгоду от торговли.

Ничего о России не знали и в Китае в конце правления Мин и начале царствования маньчжуров. Зато китайская внешнеполитическая доктрина, основанная на китаецентризме, сохранялась неизменной. Китай жил своими представлениями о миропорядке: «рядом с Китаем и его императором не могло быть равноценных государств и монархов», «у Поднебесной не существовало границ», а Сын Неба должен был распространять «всеблагую силу дэ за пределы Китая, на варваров, отождествляемых с темным началом инь»⁸. Однако если при динстии Мин важен был церемониал в отношениях с варварами-данниками, то Цины буквально поняли тезис об отсутствии у Поднебесной границ и стали добиваться реального подчинения прежде всего соседних стран и при любой возможности с оружием распространять данническую систему и далее. Можно отметить и то, что именно в период Цин ее дипломатия стала формировать негативный образ России. Об этом есть отдельное исследование В.С.Мясникова⁹ и работы современных китайских специалистов¹⁰. Возможно

⁵ История Китая / под ред. А.В.Меликсетова. М., 2002. С. 275.

⁶ История дипломатии. М., 1941. Т.1. С. 236.

⁷ Мясников В.С. Новые данные о подготовке посольства Ф.И.Байкова в Китай (1654-1657) / Квадратура китайского круга. Кн. 1. С. 270.

⁸ Духовная культура Китая. Т.4. М., 2009. С. 161.

⁹ Мясников В.С. Дипломатия коварства и насилия // Квадратура китайского круга. Кн. 1. С. 299-315.

ли в таких условиях двустороннее сотрудничество государств? Конечно, нет. Даже если бы весь Посольский приказ в Москве, насчитывавший тогда 53 подъячих, 22 переводчика и 17 толмачей¹¹, оба государя – Михаил Федорович и Алексей Михайлович – читали и понимали китайский язык, Россия никогда не согласилась бы считать себя данником. И мы хорошо знаем, что понадобилось почти 200 лет, чтобы два соседних государства, имеющие различные представления о дипломатии и об окружающем их мире, смогли наладить равноправное сотрудничество. Возвращаясь к предмету нашего рассмотрения – статье китайского автора, констатируем: процесс установления двусторонних отношений был объективно настолько сложным и длительным по времени, что, казалось бы, причины, объясняющие его, невозможно свести к одной, достаточно мелкой и бытовой, по сути, не имевшей в то время особого значения, – незнанию московскими царями и посольскими дьяками китайского языка. И тем не менее, китайский историк заявляет: непрочтение китайской грамоты русским царем отложило установление двусторонних отношений между Китаем и Россией. Почему нам сегодня предлагается такой вывод?

На наш взгляд, может быть несколько вариантов ответа на этот вопрос. Рассмотрим два. Первый можно найти в современных дискуссиях о роли исторической науки и росте национализма в КНР. Цитируемый выше китайский автор Юй Цзе утверждает: «...традиционная китайская политическая культура, на основе которой зародилась и формировалась китайская дипломатия, не только не ушла в прошлое с крушением Цинской империи, но и, трансформируясь, переплетаясь с новыми идеями и учениями, **продолжает оставаться доминирующей в духовной жизни современного китайского общества**, что, в свою очередь, не может не сказываться на его отношении к внешнему миру»¹². Профессор Института Новой Истории АОН КНР Юй Хэпин, рассматривая использование исторического ресурса в проведении политики реформ и открытости, называет периоды, из которых сегодня заимствуется опыт. Один из них – период поздней Цинской династии, когда «одна за другой возникали идеи и общественные течения под лозунгом «создать промышленность, чтобы спасти страну», «создать промышленность и торговлю, чтобы поднять страну» и т.д.»¹³. То есть, из огромной сокровищницы исторического опыта КНР извлекает модели, идеи и образцы. Мы можем также вспомнить многогранную конфуцианскую идею «сяокан» – построения общества малого благоденствия, извлеченную еще в начале реформ Дэн Сяопином. Юй Хэпин напрямую указывает силу влияния исторического ресурса: «Высокие темпы развития экономики, в основном, являются результатом проведения

¹⁰ См., например, Юй Цзе. Восприятие образа России в Цинском Китае в 17-19 вв // Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее). Тезисы докладов XVI Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 2006. Ч. 2. С. 12-16.

¹¹ История дипломатии. Т.1. С. 233.

¹² Юй Цзе. Восприятие образа России в Цинском Китае в 17-19 вв. С. 16.

¹³ Юй Хэпин. Политика реформ и открытости в Китае и использование исторического ресурса // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки. Тезисы докладов XVII международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы». М., 2008. Ч. 2. С. 40.

политики реформ и открытости. Однако они связаны также и с рациональным выявлением и использованием ресурсов истории Китая»¹⁴.

Второй ответ – автор публикации, несомненно, убежденный в том, что успеху нынешней впечатляющей модернизации страны немало способствовал ее исторический опыт и бережно сохраняемые традиции, придав своей статье откровенно имиджевый характер. Представляется, что вполне определенно можно утверждать: такие образы партнеров – один с «благожелательными намерениями», предлагает подарки и переговоры, а второй по своей темноте не может даже прочитать грамоту, и никто во всей стране не может перевести и прокомментировать ее, – могут быть охотно восприняты политологами во многих современных странах, кроме России, разумеется. Сегодняшнее качество стратегического партнерства России и КНР заставляет рассматривать разные варианты дальнейшего развития отношений, в том числе малоблагоприятные для нашей экономики и страны в целом. Текущий экономический кризис увеличил пропасть между уровнем развития экономик КНР и России. Китай, как локомотив, упорно удерживает более чем 8%-ный рост ВВП, что стабилизирует внутреннюю обстановку и способствует улучшению мирового экономического климата в целом. В этих условиях укрепление положительного имиджа страны становится такой же важной задачей, как обеспечение ее поступательного развития. Бурные темпы китайской модернизации, рост экономической и военной мощи, наконец, конечная цель всех преобразований – возрождение Великого Китая – вызывают в мире немало опасений. В России к тому же дискутируется вопрос о потенциальной нацеленности КНР на территории Дальнего Востока и Сибири, которые, как продемонстрировал нам автор статьи в сборнике УрГУ, Китай считал своими уже в Цинские времена и требовал их вернуть. Снять тезис о «китайской угрозе», убедить мир, что развитие Китая носит мирный характер, что КНР строит свою политику на идеалах мудрости, гармонии, существующих с древности, и есть одна из задач построения его имиджа сегодня. Этой проблемой в КНР озаботились с начала 2000-х годов, сформировав стратегию внешнеполитической пропаганды, направленную на демонстрацию уникальности китайских реформ, приверженности традиционным гуманистическим ценностям, выгоды мировому сообществу от планов совместного развития при категорическом отрицании экспансионистских и имперских устремлений. Лидер КНР Ху Цзиньтао в своем докладе XVII съезду КПК выделил как одну из главных задач партии и государства в современную эпоху – «повышение мягкой мощи государства в лице культуры»..., являющейся «неиссякаемой движущей силой непрерывного развития и сплоченной борьбы китайской нации». Понятие «мягкая сила» принадлежит бывшему заместителю министра обороны и помощнику госсекретаря США, а ныне профессору Гарвардского университета Джозефу Найю и подразумевает использование «нематериальных властных ресурсов» в интересах влияния на поведение людей в других странах («жесткая сила» – это использование угроз, силы, подкупа)¹⁵. Най под нематериальными ресурсами подразумевает культуру, философию, идеологию, внешнюю политику, называя применение «мягкой силы» эксплуа-

¹⁴ Юй Хэпин. Политика реформ и открытости в Китае и использование исторического ресурса. С. 40.

¹⁵ Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006. С. 11.

тацией в политике культурных и моральных идеалов. Китайские теоретики сразу взяли на вооружение этот термин, но, как при заимствовании любых западных теорий, понятий «китаизировали» его, наполнив собственным содержанием. В ходе научных дискуссий источниками «мягкой силы» были названы: пропаганда успешных сторон национальной модели развития, культура и дипломатия, нацеленная на создание атмосферы стабильности, формирования отношений с окружающими странами на основе идей добрососедства, построения многообразного гармоничного мира.

В нашем случае идет пропаганда китайской дипломатии и внешней политики. В 2003 году Китай выдвинул концепцию «мирного возвышения», которая должна была успокоить мировое общественное мнение. Уже тогда российские синологи стали отмечать, что самой формулировкой Китай дает понять: он претендует на роль великой державы, что само по себе имеет глубокие исторические корни. Вся история Поднебесной доказывает, что национальный менталитет не допускает вероятности того, что страна обречена на прозябание. Китайцы мирились с временным отстранением своей страны от участия в глобальных и региональных процессах, но всегда знали: эта «историческая несправедливость» рано или поздно будет устранена. В ходе реформ шло количественное накопление признаков политики великой державы, процесс этот все усиливается¹⁶.

Из-за неоднозначности восприятия данной концепции в мире в 2004 году она негласно была выведена из арсенала официальной китайской пропаганды. На смену сначала пришла старая доктрина 80-х годов «мира и развития», а после XVII съезда КПК утвердилась новая – «гармонии» и «гармоничности», извлеченная из конфуцианской философии. В свое время великий философ Мэн-цзы предложил идеи «всеобщей любви» и «неагрессивности». Так что, концепция современной внешней политики КНР – наследие и обобщение великих учений, со всей полнотой отражает имидж Китая как великой цивилизованной державы. На XVII съезде КПК Ху Цзиньтао вновь указал на особую миссию Китая в деле сохранения мира: «Развитие Китая неотделимо от всего мира, а процветание и стабильность всего мира, в свою очередь, – от Китая... Китай будет неуклонно идти по пути мирного развития... и никогда не будет претендовать на гегемонию, никогда не будет заниматься экспансией»¹⁷.

Одновременно была поставлена задача «выхода вовне» культуры, цивилизационных ценностей для создания имиджа. При этом акцент делался на традиционную толерантность и пацифизм Китая, в отличие от нетерпимости и агрессивности Запада. Следует также отметить, что все «культурные атаки» на мир спланированы, что это – система и, значит, успех предсказуем.

Нам следует отметить несомненные успехи КНР в деле строительства имиджа гармоничной супердержавы, а также необходимость сверять наши сегодняшние знания о Китае с историей, знать историю свою и постоянно помнить о стратегичности китайского мышления, планов, которая уже 30 лет называется у нас «китайской спецификой».

¹⁶ Свешников А.А. Проблема международной самоидентификации Китая // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. Ч. 1. С. 143 – 144.

¹⁷ Доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6283847.html>